

Китайский глобальный проект для Евразии

УДК 339.9(1*CN)

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.06

Стратегия Китая в Центральной Азии сквозь призму модели институционально управляемого соразвития

Нинель Юрьевна СЕНЮК

кандидат экономических наук, доцент Факультета мировой экономики
и мировой политики

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ул. Малая Ордынка, д. 17, г. Москва, Российская Федерация, 101000

E-mail: nseniuk@hse.ru

ORCID: 0000-0002-7425-9029

Александр Игоревич САБАНЦЕВ

стажер-исследователь Центра стратегических исследований Института
мировой военной экономики и стратегии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ул. Малая Ордынка, д. 17, г. Москва, Российская Федерация, 101000

E-mail: asabantsev@hse.ru

ORCID: 0009-0009-9619-4113

Екатерина Андреевна КОЗЛОВА

младший научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН)

Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117218

E-mail: kozlova@iccaras.ru

ORCID: 0009-0009-1312-5594

ЦИТИРОВАНИЕ: Сенюк Н.Ю., Сабанцев А.И., Козлова Е.А. Стратегия Китая в Центральной Азии сквозь призму модели институционально управляемого соразвития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 4. С. 105–123.
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.06

Статья поступила в редакцию 27.09.2025.

Исправленный текст представлен 10.11.2025.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается аналитическая модель институционально управляемого соразвития для объяснения механизмов формирования и реализации полити-

ко-экономической стратегии Китая в Центральной Азии. Показывается, что данная модель представляет собой иерархическую трехуровневую систему. На стратегическом уровне

высшее политическое руководство Китайской Народной Республики (КНР) во главе с Си Цзиньпином и Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) формулирует доктринальные основы (в частности, «Сообщество единой судьбы», пятилетние планы). На политико-институциональном уровне эти установки переводятся в плоскость межгосударственных отношений, прежде всего через китаецентричный формат С+С5 и дифференцированную сеть двусторонних межправительственных комитетов. На исполнительном уровне действует «национальная команда» акторов (включая профильные госорганы, госкорпорации, политические банки и суверенные фонды), обеспечивающая непосредственную реализацию проектов. Указанная модель выходит за рамки простой формулы «политика ведет экономику» и функционирует как «мягкое проектное управление». В этой системе высокоуровневые политические решения запускают целостную экосистему, использующую организационные и финансовые ресурсы для планомерного и долгосрочного реформирования геоэкономического ландшафта региона в соответствии со стратегическими интересами КНР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, Центральная Азия, Экономический пояс Шёлкового пути (ЭПШП), внешняя политика КНР, институционально управляемое соразвитие, саммиты «Китай – Центральная Азия», «Сообщество единой судьбы», стратегия двойной циркуляции, 14-й пятилетний план, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Введение

Приход к власти Си Цзиньпина в 2013 г. ознаменовал переход Китая к более активной внешней политике, отказавшейся от принципа «скрывать свои возможности», сформулированного Дэн Сяопином. Ядром нового курса стала глобальная инициатива «Пояс и Путь», идеологически обрамленная концепцией «Сообщества единой судьбы человечества». Эта стратегия – не просто набор экономических проектов, а целостная модель институционально управляемого соразвития, особенно ярко проявляющаяся в Центральной Азии.

Формирование этой модели обусловлено исчерпанием прежней модели экономического роста (внутренний фактор), глобальной нестабильностью и противостоянием с Западом (внешний фактор). Китай стремится укрепить суверенитет и расширить сотрудничество со странами Евразии, что было подтверждено, в частности, на 3-м пленуме ЦК КПК в июле 2024 г.¹

В этом контексте Центральная Азия приобретает для Пекина критическое значение. Именно через этот регион проходят основные сухопутные ветки «Экономического пояса Шёлкового пути», что позволяет снизить зависимость от уязвимых морских путей, а текущая геополитическая ситуация с перераспределением вовлеченности Российской Федерации создает для Китая «окно возможностей» для углубления влияния.

Обзор литературы

В научной литературе деятельность КНР в Центральной Азии рассматривается как двухуровневый процесс. На государственном уровне через ЭПШП решаются стратегические зада-

1 Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 20-го созыва = 中国共产党第二十届中央委员会第三次全体会议公报 // МИД КНР. – 2024. – Июль. – Кит. яз. – URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/t202407/t20240721_11457413.html (дата обращения: 11.11.2024).

чи, например, обеспечивается безопасность торговых коридоров и стабильность в Синьцзяне [Makarov, Sokolova, 2016; Reeves, 2018; Dave, Kobayashi, 2018]. На корпоративном уровне доминируют коммерческие мотивы, такие как доступ к ресурсам и выход на новые рынки: в этом контексте китайские транснациональные корпорации (ТНК) активно вовлечены в реализацию политики «выхода за рубеж» [Hofman, 2016; Andrews-Speed, Qiu, Len, 2016]. При этом, как показали Ван дер Клей и Яу, даже ориентированные на прибыль компании продолжают поддерживать политические интересы КНР [Van der Kley, Yau, 2021]. В частности, среди основных интересов китайских ТНК – инвестиции в стратегические секторы, такие как транспорт и энергетика [Игитян, 2019; Zaretskaya, Aloulou, 2022]. Ключевыми исполнителями проектов выступают государственные предприятия при финансовой поддержке политических банков Китая [Jones, Zou, 2017; Nie, 2021; Chen, 2020; Chen, 2021].

Центральная Азия выступает в качестве энергетического поставщика, торгово-логистического коридора и инфраструктурного узла в рамках стратегии «двойной циркуляции» [Chen, Fazilov, 2018; Duan, Duan, 2023] и для ЭПШП [Чжан Фанхуэй, Ван Цяожун, 2023, с. 65]. В этой связке Синьцзян служит «мостом», переплетая свое развитие с региональной политикой Пекина в экономике и безопасности [Hoh, 2019; Chao, 2021]. Стоит учитывать, что именно развитие западных регионов стало одним из важнейших драйверов запуска ЭПШП (например, [Забелла, Мелкина, Иметнинова, 2025]).

Процесс выработки внешнеполитического курса КНР отличается высокой степенью централизации, в частности, ключевые решения определяются высшим руководством КПК [Tsang, 2019; Хие, 2016; Cai, 2020]. В то же время в ли-

тературе отмечается существенное влияние личных взглядов Си Цзиньпина, который рассматривает сотрудничество с Центральной Азией как краеугольный камень ЭПШП, позиционируя его как взаимовыгодное партнерство в рамках концепции «Сообщества единой судьбы» [Clarke, 2017; Dave, Kobayashi, 2018; Pantucci, 2019]. При этом Китай активно институционализирует взаимодействие с Центральной Азией, опираясь на форматы ШОС и С+С5, что отражает встраивание Пекина «в существующий в регионе тренд в целях недопущения вытеснения Китая из Центральной Азии», в частности действиями США [Вахрушин, Николаев, 2024, с. 145]. Происходит это в контексте глобального характера стратегии партнерских отношений Пекина, который стремится поменять свой статус в глобальном управлении с принятия норм и правил к их созданию. По мнению китайских экспертов, ШОС, ЭПШП и С+С5 – «три столпа китайской дипломатии» в регионе [Дэн Хао, 2022, с. 105].

Выработка стратегии Китая по отношению к Центральной Азии рассматривается в литературе преимущественно фрагментарно. В работе Ю. Цзе и Л. Ридаут [Jie, Ridout, 2021] показывается, что, несмотря на наличие четкой иерархии и определяющую роль Си Цзиньпина и КПК, внешнеполитический механизм включает в себя акторов, которые конкурируют друг с другом. Соответственно, внешнеполитические решения являются результатом системы взаимодействий между центральными ведомствами, влиятельными провинциальными правительствами и крупными госкомпаниями.

В то же время в работе В. Акоста применительно к Центральной Азии рассматривается система разработки и имплементации решений с акцентом на описании иерархичности и централизации системы, подчиненной лично

Си Цзиньпину [Acosta, 2024]. Описанная им иерархия выстраивается от высшего уровня (Генеральный секретарь КПК) и уровня одобрения (Политбюро) к координирующим органам (ЦКИД, КНБ)² и к исполнителям (МИД и др.).

Таким образом, существующие исследования, несмотря на эмпирический материал, фрагментированы и сосредоточены на отдельных уровнях системы. В результате сохраняется проблема описания целостной рамки, связывающей идеологию, институты и реализацию проектов. Предлагаемая статья призвана закрыть этот пробел, представив модель «институционально управляемого соразвития».

Стратегический уровень: место Центральной Азии в большой стратегии КНР

Формирование доктринальной рамки внешней политики КНР происходит в рамках централизованной партийно-государственной системы. Хотя формально существует двойная система управления, доминирующей силой является КПК [Acosta, 2024, p. 2]. Ключевые решения утверждаются Постоянным комитетом Политбюро, а непосредственная координация осу-

ществляется через центральные комиссии, которые готовят предложения для высшего руководства [Acosta, 2024, p. 4]. Этот центральный узел во главе с Си Цзиньпином и формирует итоговую доктрину.

Идеологическим ядром подхода является концепция «Сообщества единой судьбы». Применительно к региону она была сформулирована Си Цзиньпином на саммите в 2023 г.³ и позиционируется как альтернатива западному «гегемонизму» и «протекционизму»⁴, служа основой для модели соразвития, в которой лидерство КНР представлено как взаимовыгодное партнерство⁵.

Важность Центральной Азии для ЭПШП подтверждена в 14-м пятилетнем плане КНР (2021–2025), где говорится о «высококачественном развитии» инициативы⁶, что отводит региону роль незаменимого транзитного коридора⁷. В своих выступлениях Си Цзиньпин определяет стратегическое значение региона через четырехчастную формулу, согласно которой миру нужна Центральная Азия:

1. Стабильной – в контексте безопасности Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), защиты инвестиций ЭПШП⁸ и борьбы с «тремя силами зла».

2 Центральная комиссия по иностранным делам (ЦКИД) и Комиссия национальной безопасности (КНБ).

3 Xi charts course for China-Central Asia cooperation // People's Daily Online. – 2023. – URL: <http://en.people.cn/102775/517848/index.html> (дата обращения: 01.07.2025).

4 Full text of Xi's keynote speech at second China-Central Asia Summit // The State Council of the People's Republic of China. – 2025. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202506/18/content_WS685222e5c6d0868f4e8f36f0.html (дата обращения: 13.07.2025).

5 Полный текст программного выступления Си Цзиньпина на церемонии открытия 3-го Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках инициативы «Пояс и Путь» // Синьхуа Новости. – 2023. – URL: <https://russian.news.cn/20231018/ad2207aaf51d4b53b4c51639a21db6ef/c.html> (дата обращения: 13.08.2025).

6 Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035 // Center for Security and Emerging Technology. – 2021. – URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five_Year_Plan_EN.pdf (дата обращения: 17.01.2025).

7 The 14th Five-year Plan in the New Era of China's Reform – Asian Integration, Belt and Road Initiative and Safeguarding Multilateralism // Le Centre d'études prospectives et d'informations internationales (CEPII). – 2021. – URL: https://cepii.fr/PDF_PUB/pb/2021/pb2021-36.pdf (дата обращения: 05.02.2025).

8 Full text of Xi Jinping's keynote speech at China-Central Asia Summit // The State Council of the People's Republic of China. – 2023. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202305/19/content_WS6467059dc6d03ffcca6ed305.html (дата обращения: 22.03.2025).

2. Процветающей – как новый рынок для китайских товаров и услуг⁹.

3. Гармоничной – для предотвращения межэтнических и межрелигиозных конфликтов¹⁰.

4. Взаимосвязанной – как транзитный узел Евразии с развитой инфраструктурой¹¹.

Данная формула выполняет функцию «мягкого проектного управления», мотивируя страны региона синхронизировать свои приоритеты с китайским видением.

Также 14-й пятилетний план как ключевой документ государственного планирования обозначил векторы углубления взаимодействия с регионом¹², несмотря на то, что сама по себе Центральная Азия в нем упоминается редко¹³. Центральным элементом плана является стратегия «двойной циркуляции», которая, опираясь на внутренний рынок, требует для «международного контура» надежных сухопутных маршрутов в Европу и на Ближний Восток¹⁴ в рамках создания «транспортной державы» (交通强国), что снова подчеркивает значение устойчивости китайских цепочек поставок¹⁵.

План прямо предписывает «укреплять строительство стратегических магистральных коридоров, выходящих из Синьцзяна», и создавать там «круп-

ные базы чистой энергии»¹⁶, что делает внутреннее развитие СУАР элементом внешней политики: СУАР как логистический хаб ЭПШП, а Центральная Азия – безопасная внешняя среда.

Институциональная архитектура: механизмы взаимодействия

Для реализации своих стратегических целей Китай выстроил многоуровневую иерархическую систему институционального взаимодействия с Центральной Азией. К многосторонним форматам следует отнести, во-первых, ШОС, которая долгое время выступала площадкой продвижения китайских интересов и в то же время платформой для согласования их с Россией [Лексютина, 2025, с. 121]. Кроме того, организация обеспечила международное признание китайской кампании по борьбе с «тремя силами зла» (терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом) [Лексютина, 2025, с. 121].

Тем не менее создание формата саммитов «Китай – Центральная Азия» (C+C5) – одно из наиболее значимых шагов Китая в региональной дипломатии за последнее время. Его особенности – регулярность, постоянный секретариат в Китае и отраслевые министерские

9 Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите «Китай – Центральная Азия» // Синьхуа Новости. – 2023. – URL: <https://russian.news.cn/20230520/8ba665898ac64c3991cf0b48337296fb/c.html> (дата обращения: 14.04.2025).

10 Full text of Xi Jinping's keynote speech at China-Central Asia Summit // The State Council of the People's Republic of China. – 2023. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202305/19/content_WS6467059dc6d03ffcca6ed305.html (дата обращения: 29.05.2025).

11 Ibid.

12 Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035 // Center for Security and Emerging Technology. – 2021. – URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five_Year_Plan_EN.pdf (дата обращения: 17.01.2025).

13 Issue Brief – China's 14th Five-Year Plan // UNDP. – 2021. – URL: <https://www.undp.org/china/publications/issue-brief-chinas-14th-five-year-plan> (дата обращения: 01.08.2025).

14 The 14th Five-year Plan in the New Era of China's Reform – Asian Integration, Belt and Road Initiative and Safeguarding Multilateralism // Le Centre d'études prospectives et d'informations internationales (CEPII). – 2021. – URL: https://ceprii.fr/PDF_PUB/pb/2021/pb2021-36.pdf (дата обращения: 11.01.2025).

15 Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035 // Center for Security and Emerging Technology. – 2021. – URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five_Year_Plan_EN.pdf (дата обращения: 03.03.2025).

16 Ibid.

встречи, в рамках которых создана сеть рабочих групп, формирующих прямые каналы для сотрудничества¹⁷.

Развитие институционализации взаимодействия с Центральной Азией было обусловлено в том числе несовершенствами ШОС, например, осложнением достижения компромиссов и несоразмерным экономическим потенциалом членов, что мешает формированию прочной экономической основы [Вахрушин, Николаев, 2024, с. 138]. Формат С+С5 можно рассматривать как стратегический шаг по созданию китаецентричного механизма регионального управления.

Основой исполнительного уровня остается сеть двусторонних межправительственных комитетов и комиссий. Структура этих органов и, что особенно важно, ранг их сопредседателей свидетельствуют о дифференцированном подходе Пекина к странам региона. В частности, отношения с Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном – ключевыми поставщиками энергоресурсов и транзитными узлами – курируются на самом высоком субпрезидентском уровне, на уровне вице-премьеров Государственного совета КНР (таблица 1).

Таблица 1. Система двусторонних межправительственных механизмов сотрудничества КНР и стран Центральной Азии

Table 1. System of bilateral intergovernmental cooperation mechanisms between China and Central Asian countries

Страна	Название основного органа	Уровень/руководители (сопредседатели)	Ключевые подкомитеты/направления
1	2	3	4
Казахстан ¹⁸	Китайско-Казахстанский комитет по сотрудничеству	Уровень вице-премьера: вице-премьер Госсовета КНР (Дин Сюэсян) и первый заместитель премьер-министра Республики Казахстан (Роман Скляр)	Экономика, торговля, производство и инвестиции, финансы, транспорт, геология, сельское хозяйство, безопасность, гуманитарные обмены, энергетика, экология
Узбекистан ¹⁹	Китайско-Узбекский межправительственный комитет по сотрудничеству	Уровень вице-премьера: вице-премьер Госсовета КНР (Лю Гочжун) и премьер-министр Республики Узбекистан (Абдулла Арипов)	Экономика, торговля, энергетика, транспорт, сельское хозяйство, наука, гуманитарные обмены, сокращение бедности, безопасность
Туркменистан ²⁰	Туркмено-Китайский комитет по сотрудничеству	Уровень вице-премьера: вице-премьер Госсовета КНР (Дин Сюэсян) и заместитель Председателя Кабинета Министров, министр иностранных дел Туркменистана (Рашид Мередов)	Энергетика, транспорт, торговля, сельское хозяйство, наука, культура, образование, безопасность

17 Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите «Китай – Центральная Азия» // Синьхуа Новости. – 2023. – URL: <https://russian.news.cn/20230520/8ba665898ac64c3991cf0b48337296fb/c.html> (дата обращения: 19.01.2025).

18 Участие в 12-м заседании Подкомитета по геологии и недропользованию Казахстанско-Китайского Комитета по сотрудничеству // Gov.Kz: Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов. – 2025. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/geology/press/news/details/948211?lang=ru> (дата обращения: 09.01.2025).

19 Chinese vice premier visits Uzbekistan, co-chairs intergovernmental meeting // The State Council of the People's Republic of China. – 2024. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202405/16/content_WS66453dc2c6d0868f4e8e7211.html (дата обращения: 21.02.2025).

20 Xi Jinping Meets with Turkmen President Serdar Berdimuhamedov // The Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 2025. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/zyxw/202506/t20250618_11652394.html (дата обращения: 12.03.2025).

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Киргизская Республика ²¹	Киргизско-Китайская межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству	Уровень заместителя министра: первый заместитель Председателя Кабинета Министров Киргизской Республики и представитель на международных торговых переговорах (в ранге зам. министра) Министерства коммерции КНР (Ван Шоувэнь)	Торговля, транспорт, сельское хозяйство, инвестиции
Таджикистан ²²	Таджикско-Китайская межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству	Уровень заместителя министра: министр экономического развития и торговли Республики Таджикистан и зам. министра коммерции КНР	Торговля, инвестиции, энергетика, транспорт, сельское хозяйство. Отдельные комитеты по науке и по сотрудничеству приграничных регионов (Синьцзян)

Источник: составлено авторами.

Стратегические решения претворяются в жизнь системой государственных акторов, включающей в себя основные правительственные ведомства, крупные государственные корпорации и финансовые институты, которые действуют в тесной координации, формируя единый механизм реализации модели управляемого соразвития.

Центральную роль в формировании и реализации политики Китая в Центральной Азии играют государственные органы: стратегический проектировщик (Государственный комитет по делам развития и реформ) и ключевые исполнительные координаторы (МИД КНР, Министерство коммерции КНР) (таблица 2).

Таблица 2. Ведущие китайские государственные акторы в выработке и координации политики в странах Центральной Азии

Table 2. Leading Chinese state actors in policymaking and coordination in Central Asian countries

Орган	Роль и функции
1	2
Государственный комитет по делам развития и реформ	Главный орган макроэкономического планирования в Китае, играет решающую роль в согласовании проектов ЭПШП с национальными пятилетними планами. «Мозг» системы, оценивает и отбирает наиболее значимые проекты, соответствующие долгосрочной стратегии КНР. Заместитель председателя является сопредседателем ключевых инвестиционных комитетов (например с Республикой Казахстан) – прямое указание на полномочия в утверждении крупнейших инициатив ²³

21 Кыргызстан и Китай заключили торговое соглашение до 2030 г. // Акчабар. – 2022. – URL: <https://www.akchabar.kg/news/kirgizstan-i-kitaj-zaklyuchili-torgovoe-soglashenie-do-2030-goda-yagqceznrphxfra> (дата обращения: 07.04.2025).

22 11-е заседание Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству между Таджикистаном и Китаем // Министерство экономического развития и торговли Республики Таджикистан. – 2020. – URL: <https://medt.tj/ru/news/novosti-ministerstva-ekonomiki/1726-alasai-11-umi-komissiyai-bajni-hukumat-oid-ba-amkori-ori-ti-orativu-i-tisod-bajni-to-ikiston-va-khitoy> (дата обращения: 30.06.2025).

23 Kazakhstan, China Strengthen Cooperation in Investments // Astana Times. – 2024. – URL: <https://astanatimes.com/2024/10/kazakhstan-china-strengthen-cooperation-in-investments> (дата обращения: 02.02.2025).

Продолжение таблицы

1	2
Министерство иностранных дел КНР	Общая политическая координация, дип. контакты и визиты на высшем уровне. Профильное подразделение – Департамент Европы и Центральной Азии ²⁴ . Пост Специального представителя Правительства КНР по делам Евразии свидетельствует о значительном внимании к региону и существовании специального механизма для решения особо сложных вопросов и координации межведомственных усилий ²⁵
Министерство коммерции КНР	Двигатель торгово-экономического сотрудничества. Департамент по делам Евразии отвечает за «разработку и реализацию стратегий, программ и политик торгово-экономического сотрудничества», а также за «организацию двусторонних и региональных межправительственных торгово-экономических совместных или смешанных комиссий» ²⁶

Источник: составлено авторами.

Реализация основных проектов на местах возложена на крупные государственные предприятия и политические банки и финансовые институты²⁷.

Ведущая роль госпредприятий в экономических проектах Китая в Центральной Азии зримо проявляется

в структуре ведущих китайских инвесторов в регионе. На основе статистики агрегированных потоков прямых иностранных инвестиций можно выделить 10 наиболее крупных китайских инвесторов в регионе, среди которых доминируют госкорпорации (таблица 3).

Таблица 3. Ведущие китайские инвесторы в странах Центральной Азии на основе агрегированной величины потоков прямых иностранных инвестиций в 2015–2024 гг., отраженной в базе данных *China Global Investment Tracker*

Table 3. Leading Chinese investors in Central Asian countries based on aggregated FDI flows in 2015–2024, as reflected in the China Global Investment Tracker database

Инвестор	Сумма (млн долл.)	Тип компании
<i>China National Petroleum Corp. (CNPC)</i>	7260	SOE
<i>China Energy Engineering</i>	2640	SOE
<i>China National Chemical Engineering</i>	2600	SOE
<i>China Petroleum and Chemical (Sinopec)</i>	2420	SOE
<i>China National Machinery Industry (Sinomach)</i>	2300	SOE
<i>China International Trust and Investment (CITIC)</i>	1730	SOE
<i>State Construction Engineering</i>	1690	SOE
<i>Power Construction Corp. (PowerChina)</i>	1290	SOE
<i>China General Technology (Genertec)</i>	730	SOE
<i>China North Industries (Norinco)</i>	710	SOE

Источник: American Enterprise Institute (AEI). SOE – State-Owned Enterprise (государственное предприятие).

24 The Department of European Affairs – Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China // The Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 2025. – URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/zjjg_663340/xos_664404 (дата обращения: 14.02.2025).

25 MFA News – Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China // The Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 2025. – URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/wjbxw/index_95.html (дата обращения: 03.03.2025).

26 Ministry of Commerce (MOFCOM) – Organization Chart // The US-China Business Council. – 2021. – URL: https://www.uschina.org/sites/default/files/2021.04.23_mofcom_organization_chart.pdf (дата обращения: 21.03.2025).

27 14th Five-Year Plan – Open to Autarky: China's Coming 5-Year Plan // Asia Society Australia. – URL: <https://chinaexecutivebriefing.asiasociety.org/brief/14th-five-year-plan> (дата обращения: 09.04.2025).

Крупнейший инвестор (2015–2024) – госкорпорация *CNPC*, доминирующая в энергетике в Туркменистане (проект «Амударья», газопровод «Китай – Центральная Азия») и Узбекистане (разработка месторождений Каракульского блока)²⁸. В Узбекистане *CNPC* через совместное предприятие *New Silk Road Oil & Gas Company* разрабатывает газовые месторождения Каракульского блока²⁹. Финансовую поддержку китайских проектов в Центральной Азии обеспечивает многоуровневая систе-

ма институтов. Политические банки, такие как Эксимбанк и Банк развития Китая, предоставляют как льготные кредиты для политически значимых проектов, так и коммерческое финансирование для стратегических секторов. Инвестиционные банки (АБИИ), и государственные фонды (Фонд Шёлкового пути), в свою очередь, выступают в роли кредиторов и соинвесторов в крупных инфраструктурных и энергетических инициативах (таблица 4).

Таблица 4. Примеры ключевых финансовых структур КНР, осуществляющих финансирование проектов в странах Центральной Азии

Table 4. Examples of key financial institutions of the PRC financing projects in Central Asian countries

Финансовый институт	Роль	Примеры
1	2	3
Экспортно-импортный банк Китая (Эксимбанк)	Предоставление льготных кредитов на политически значимые проекты	Дорога «Север – Юг» (Киргизская Республика, 400 млн долл.), ТЭЦ «Душанбе-2» (Таджикистан) ³⁰ . Крупнейший кредитор Киргизской Республики (1,7 млрд долл.) ³¹ ; кредиты Узбекистану на 500 млн долл. (телеком) и 220 млн долл. (иригация) ³²
Банк развития Китая	Финансирование коммерчески жизнеспособных проектов в стратегических секторах	Ключевой финансовый партнер в ВИЭ (Шелекская ВЭС в РК), финансирование проектов <i>Huawei</i> по развитию 5G в Республике Узбекистан ³³ . Крупный кредитор для масштабных проектов (газопровод «Китай – Центральная Азия» ³⁴)

28 Туркменистан и *CNPC* обсуждают перспективы газового сотрудничества // News Central Asia. – 2024. – URL: <https://www.newscentralasia.net/2024/05/29/turkmenistan-i-cnpc-obsuzhdayut-perspektivy-gazovogo-sotrudnichstva> (дата обращения: 27.04.2025).

29 Uzbekistan // CRBC. – 2017. – URL: <https://www.crbc.com/site/crbcEN/77802/info/2017/46840914.html> (дата обращения: 15.05.2025).

30 Alternative North-South Road (Phase 3) // China & Central Asia Studies Center. – URL: <https://china-centralasia.org/project/145> (дата обращения: 22.02.2025).

31 Exim Bank of China to Reschedule Debt of Kyrgyzstan // 24.KG. – URL: https://24.kg/english/151447_Exim_Bank_of_China_to_reschedule_debt_of_Kyrgyzstan/ (дата обращения: 08.01.2025).

32 Uzbekistan, China Eximbank Expand Cooperation With New Strategic Agreement // Trend.Az. – 2025. – URL: <https://en.trend.az/business/4060616.html> (дата обращения: 17.02.2025).

33 China's Renewable Energy Projects Bring \$48n Direct Investment to Uzbekistan // Daryo.UZ. – 2024. – URL: <https://daryo.uz/en/2024/07/15/chinas-renewable-energy-projects-bring-4bn-direct-investment-to-uzbekistan> (дата обращения: 05.03.2025). Project 91917 // AidData (China). – URL: <https://china.aiddata.org/projects/91917> (дата обращения: 29.04.2025).

34 Project 91917 // AidData (China). – URL: <https://china.aiddata.org/projects/91917> (дата обращения: 29.04.2025).

Продолжение таблицы

1	2	3
Азиатский банк инфраструктурных инвестиций	Кредитование инфраструктурных и энергетических проектов	Строительство ветропарка «Жанатас» в Республике Казахстан (2019) ³⁵ , два этапа программы по развитию систем водоснабжения и канализации в Бухаре (2020 и 2022) ³⁶ , участие в многоэтапном финансировании Рогунской ГЭС в Таджикистане (с 2024) ³⁷
Фонд Шёлкового пути	Долгосрочные прямые инвестиции в стратегические проекты «Пояса и Пути»	В 2015 г. вложил 2 млрд долл. в совместный инвестиционный фонд «Китай – Казахстан» для проектов индустриальной кооперации ³⁸ . В 2022 г. приобрел 49% в ACWA Power Uzbekistan Project Holding ³⁹

Источник: составлено авторами.

Институционально управляемое соразвитие: от межгосударственных мероприятий к совместным проектам

В рамках модели институционально управляемого соразвития крупные экономические инициативы не возникают спонтанно в результате рыночных процессов, а являются результатом целенаправленной деятельности, где политический импульс на высшем уровне, подкрепленный идеологией общих интересов, запускает всю институциональную и финансовую машину для реализации совместных проектов.

Сопоставление визитов на высшем уровне, подписанных деклараций и последующих экономических анонсов выявляет четкую последовательность:

высокоуровневые политические договоренности создают институциональные рамки и дают старт для последующих экономических действий (таблица 5).

Функционирование работы цепочки в модели институционально управляемого соразвития можно проследить посредством анализа отдельных кейсов.

Кейс 1: Железная дорога Китай – Киргизия – Узбекистан (ККУ)

Переговоры по данному проекту велись десятилетиями, но проект оставался в тупике из-за политических и финансовых разногласий. Прорыв произошел во время визита Си Цзиньпина в Самарканд в сентябре 2022 г., когда была достигнута договоренность о начале строительства. Сразу после этого последовала быстрая практическая

35 AIB Invests in Central Asia's Largest Wind Farm with First Project in Kazakhstan // AIB. – 2019. – URL: <https://www.aib.org/en/news-events/news/2019/AIB-Invests-in-Central-Asias-Largest-Wind-Farm-with-First-Project-in-Kazakhstan.html> (дата обращения: 12.05.2025).

36 Uzbekistan: Bukhara Region Water Supply and Sewerage (BRWSSP) // AIB. – 2020. – URL: <https://www.aib.org/en/projects/details/2020/approved/Uzbekistan-Bukhara-Region-Water-Supply-and-Sewerage-Project.html> (дата обращения: 09.06.2025).

37 AIB Supports Clean, Renewable Energy Development in Tajikistan and Central Asia // AIB. – 2025. – URL: <https://www.aib.org/en/news-events/news/2025/aib-supports-clean-renewable-energy-development-in-tajikistan-and-central-asia.html> (дата обращения: 28.07.2025).

38 China Pledges \$2 Bln for “Capacity Cooperation” Fund with Kazakhstan – Xinhua // Reuters. – 2015. – URL: https://www.reuters.com/article/markets/china-pledges-2-bln-for-capacity-cooperation-fund-with-kazakhstan-xinhua-idUSL3N143459?utm_source (дата обращения: 24.01.2025).

39 ACWA Power Company and Its Subsidiaries. Interim Condensed Consolidated Financial Statements for the Three- and Nine-Month Periods Ended 30 September 2022 (Q3 2022) // AcwaPower.Com. – 2022. – URL: https://acwapower.com/media/341866/q3-2022-api-consolidated-fs_en-final.pdf (дата обращения: 18.06.2025).

Таблица 5. Примеры связки в хронологии политических событий на высшем уровне и последующих экономических соглашений, 2022–2023 гг.

Table 5. Examples of links in the chronology of high-level political events and subsequent economic agreements, 2022–2023

Дата и событие	Участники	Ключевые подписанные документы / декларации	Последующие анонсированные проекты / инвестиции
Сентябрь, 2022 г.: Государственный визит Си Цзиньпина в Узбекистан (в рамках саммита ШОС) ⁴⁰	Си Цзиньпин, Шавкат Мирзиёев	Соглашения в торгово-экономической, инвестиционной и финансово-технической сферах	Подписан пакет соглашений на общую сумму 15 млрд долл. Достигнута «историческая договоренность» о начале строительства железной дороги «Китай – Киргизия – Узбекистан»
Сентябрь, 2022 г.: Государственный визит Си Цзиньпина в Казахстан ⁴¹	Си Цзиньпин, Касым-Жомарт Токаев	24 межправительственных и межведомственных документа	Анонсированы конкретные проекты в рамках подписанных документов, охватывающие энергетику, транспорт, торговлю и другие сферы
Май, 2023 г.: Первый саммит «Китай – Центральная Азия» (C+CS) в Сиане ⁴²	Си Цзиньпин, лидеры всех 5 стран ЦА	Сианьская декларация, учреждение механизма встреч глав государств, создание отраслевых рабочих групп	• Выделение 26 млрд юаней (около 3,8 млрд долл.) в виде безвозмездной помощи. • Дан импульс продвижению ж/д ККУ и Транскаспийского международного транспортного маршрута. • Создание партнерства по энергетическому развитию, ускорение строительства 4-й нитки газопровода «Китай – Центральная Азия». • После саммита произошел всплеск анонсов проектов в сфере ВИЭ. Китайские компании начали реализацию крупных проектов СЭС и ВЭС в Республику Казахстан и Республику Узбекистан⁴³

Источник: составлено авторами.

реализация: создано совместное предприятие с контрольным пакетом у Китайской Стороны (51%, в то время как у Киргизской Республики и Республики Узбекистан по 24,5%)⁴⁴, а госкорпорация CRCC начала строительство ключевых тоннелей на киргизском участке⁴⁵. Проект был назван одним из флагманов сотрудничества в рамках механизма C+C5, что еще раз подчеркивает его политическую значимость⁴⁶.

40 Узбекистан и Китай подписали соглашения на \$15 млрд // AA.Com.TR. – 2022. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/экономика/узбекистан-и-китай-подписали-соглашения-на-15-млрд-/2685768> (дата обращения: 10.01.2025).

41 Казахстан и Китай подписали 24 соглашения по итогам визита Си Цзиньпина // BizMedia.KZ. – 2025. – URL: <https://bizmedia.kz/2025-06-16-kazakhstan-i-kitaj-podpisali-24-soglasheniya-po-itogam-vizita-si-dzinpina> (дата обращения: 23.02.2025).

42 China – Central Asia Summit – Special Coverage – People’s Daily Online // People’s Daily Online. – 2023. – URL: <http://en.people.cn/102775/517848/index.html> (дата обращения: 30.07.2025).

43 Kazakhstan, China Sign Key Deals in Energy, Technology, Infrastructure // The Astana Times. – 2025. – URL: <https://astanatimes.com/2025/06/kazakhstan-china-sign-key-deals-in-energy-technology-infrastructure/> (дата обращения: 05.01.2025).

44 Дан официальный старт строительству железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан // Железные дороги мира. – 2025. – URL: <https://zdmira.com/news/dan-ofitsialnyj-start-stroitelstvu-zheleznoj-dorogi-kitaj-kyrgyzstan-uzbekistan> (дата обращения: 26.01.2025).

45 На железной дороге Китай – Кыргызстан – Узбекистан начато строительство трех тоннелей // Железные дороги мира. – 2025. – URL: <https://zdmira.com/news/na-zheleznoj-doroge-kitaj-kyrgyzstan-uzbekistan-nachato-stroitelstvo-trekh-tonnelej> (дата обращения: 12.02.2025).

46 Full text of Xi’s keynote speech at second China–Central Asia Summit // The State Council of the PRC. – 2025. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202506/18/content_WS685222e5c6d0868f4e8f36f0.html (дата обращения: 18.02.2025).

Кейс 2: Специальная экономическая зона «Хоргос – Восточные ворота»

Международный центр приграничного сотрудничества и сухой порт «Хоргос – Восточные ворота» возникли благодаря политическим договоренностям на самом высоком уровне между Казахстаном и Китаем. Инициатива зародилась во время официального визита президента Н. Назарбаева в Китай: рамочное соглашение было подписано 24 сентября 2004 г., а уже 4 июля 2005 г. утвержден межправительственный акт, регламентирующий деятельность центра как трансграничной зоны экономического сотрудничества площадью более 528 гектаров⁴⁷. Проект включает в себя сухой порт для перегрузки железнодорожных составов, логистическую и промышленную зоны⁴⁸. Хаб стал платформой для дальнейшей экспансии: можно вспомнить недавний запуск строительства «Казахстанско-китайского международного промышленного города» на территории СЭЗ стоимостью более 1 млрд долл. (330 млрд тенге)⁴⁹.

Кейс 3: Прорыв в «зеленой» энергетике

На Сианьском саммите C+C5 в 2023 г. «зеленое развитие» было объявлено одним из приоритетных направлений сотрудничества⁵⁰. За этим заявлением последовал резкий рост

инвестиций в сектор возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Китайские компании (например, *PowerChina*, при финансовой поддержке Банка развития Китая) активно реализуют проекты по строительству солнечных и ветровых электростанций общей мощностью более 1700 МВт в Республике Казахстан⁵¹ и направили более 4 млрд долл. прямых инвестиций в сектор ВИЭ Республики Узбекистан⁵². Этот кейс показывает, как новые стратегические приоритеты, озвученные на политическом саммите, быстро трансформируются в конкретные инвестиционные проекты, реализуемые связкой «государство – корпорации».

Кейс 4: Модель «Ресурсы в обмен на инфраструктуру»

Данный кейс демонстрирует, как политические приоритеты (доступ к стратегическим ресурсам) преобладают над чисто рыночной логикой. Республика Таджикистан и Эксимбанк заключили ресурсно-инфраструктурную сделку: компания *TBEA* получила льготные кредиты Эксимбанка на строительство ТЭЦ «Душанбе-2» (реализовано в 2012–2016 гг.). В обмен на это Таджикистан предоставил *TBEA* эксклюзивные лицензии на разработку двух золотоносных месторождений – Верхний Кумарг и Восточная Дюоба – до того момента, пока инвестиции не будут полностью возмещены; также

47 Project of Establishment of the International Center for Boundary Cooperation «Khorgos» // CAREC Program. – URL: https://www.carecprogram.org/uploads/011_102_209_International-Center-for-Boundary-Cooperation-Khorgos.pdf (дата обращения: 04.03.2025).

48 СЭЗ «Хоргос – Восточные ворота» – Казахский ПромТрансПроект // Казахский ПромТрансПроект. – URL: <https://kazptp.kz/sez-horgos-vostochnye-vorota/> (дата обращения: 21.03.2025).

49 В Казахстане появится промышленный город // LSM.kz. – 2024. – URL: <https://lsm.kz/v-kazahstane-poyavitsya-promyshlennyy-gorod> (дата обращения: 07.04.2025).

50 Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите «Китай – Центральная Азия» // Синьхуа Новости. – 2023. – URL: <https://russian.news.cn/20230520/8ba665898ac64c3991cf0b48337296fb/c.html> (дата обращения: 28.04.2025).

51 Kazakhstan, China Sign Key Deals in Energy, Technology, Infrastructure // The Astana Times. – 2025. – URL: <https://astanatimes.com/2025/06/kazakhstan-china-sign-key-deals-in-energy-technology-infrastructure/> (дата обращения: 15.05.2025).

52 China's renewable energy projects bring \$ 4bn direct investment to Uzbekistan // Daryo.uz. – 2024. – URL: <https://daryo.uz/en/2024/07/15/chinas-renewable-energy-projects-bring-4bn-direct-investment-to-uzbekistan> (дата обращения: 30.06.2025).

были предусмотрены льготы по ввозным пошлинам и НДС на оборудование, связанные со строительством и геологоразведкой⁵³.

Рассмотренные примеры наглядно иллюстрируют, как на практике работает модель институционально управляемого соразвития: они демонстрируют четкую и последовательную цепочку прохождения всех трех описанных выше уровней. Хотя указанная модель не обобщается на весь контур деятельности китайских компаний в Центральной Азии, поведение которых на микроуровне подвержено влиянию различных корпоративных мотивов, она отражает движущие механизмы деятельности ведущих китайских государственных ТНК, доминирующих в торгово-инвестиционной сфере в Центральной Азии, и связанных с ними экономических проектов в Центральной Азии.

Закключение

Таким образом, в статье была предложена комплексная иерархическая модель механизма принятия и реализации внешнеполитических решений КНР в отношении Центральной Азии – модель институционально управляемого соразвития. Структура данной модели имеет три основных уровня: стратегический, политико-институциональный и исполнительный.

На вершине – высшее политическое руководство КНР во главе с Председателем Си Цзиньпином и Политбюро ЦК КПК. На этом уровне формулируются глобальные доктрины и национальные стратегические планы, которые определяют место и роль Центральной Азии в большой стратегии Китая. На следую-

щем уровне – формальные механизмы взаимодействия, которые переводят стратегические установки в плоскость межгосударственных отношений. Ключевую роль здесь играет новый китайско-центричный формат С+С5, который служит главной площадкой для согласования позиций со всем регионом. Он дополняется разветвленной и дифференцированной сетью двусторонних межправительственных комитетов, ранг которых отражает иерархию приоритетов Пекина в отношениях с каждой из стран региона. Наконец, на исполнительном уровне происходит непосредственная реализация проектов. Он состоит из «национальной команды» акторов, включающей: 1) профильные государственные структуры; 2) политические банки и финансовые институты; 3) государственные корпорации, которые выступают в роли подрядчиков и инвесторов в регионе, реализуя конкретные проекты.

Данная модель выходит за рамки простой формулы «политика ведет экономику» и представляет собой более сложный механизм. Экономическое взаимодействие, инвестиции и инфраструктурные проекты служат не просто инструментами для достижения политических задач, а являются ядром «мягкого проектного управления», в рамках которого Пекин стремится гармонизировать свои интересы с прагматическими потребностями стран региона.

Высокоуровневые политические решения служат не просто спусковым крючком, а запускают целостную экосистему. Эта система использует идеологию («Сообщество единой судьбы») для создания общего видения, институты (С+С5) для управления процессом и управляемые государством финансы

53 China Eximbank provides RMB 929.9 million government concessional loan for Phase 2 of the 400MW Dushanbe CHP-2 Construction Project (Linked to Project ID#54106, #71101, #71137, #91801) // AidData (William & Mary). – URL: <https://china.aiddata.org/projects/46211> (дата обращения: 03.03.2025).

и проекты для направления развития региона в стратегически желаемое русло – будь то развитие инфраструктуры для повышения транзитного потенциала региона или развитие производственных мощностей в энергоресурсном секторе в контексте обеспечения ресурсной безопасности КНР.

Соответственно, подход Китая к выстраиванию сотрудничества со странами Центральной Азии – это целостная, высокоструктурированная и централизованно управляемая стратегия. Она нацелена на планомерное и долгосрочное переформатирование геополитического и геоэкономического ландшафта региона в соответствии с национальными интересами КНР, используя для этого комбинацию институционального дизайна, экономической мощи и идеологического лидерства. В связи с этим дальнейшие исследовательские усилия должны быть направлены на разработку новых концептуальных подходов, способных адекватно описать эту сложную, многоуровневую и пространственно распределенную систему, которая активно трансформирует институциональную архитектуру современного миропорядка.

Список литературы

Вахрушин И.В., Николаев Н.А. Риски институционализации формата «Центральная Азия – Китай» для солидарности и политического доверия внутри Шанхайской организации сотрудничества // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 135–152. – DOI: 10.31249/kgt/2024.02.07.

Забелла А.А., Мелкина А.Н., Иметина Н.Н. Саммитовая дипломатия Китая в Центральной Азии // *Постсоветские исследования*. – 2025. – Т. 8, № 2. – С. 151–160.

Игитян М.Ю. Китайская внешняя политика в Центральной Азии и инте-

рессы России // *Власть*. – 2019. – №. 3. – С. 250–259.

Лексютина Я.В. Дипломатия Китая в Центральной Азии: механизм многоуровневых партнерств и многосторонние платформы // *Постсоветские исследования*. – 2025. – Т. 8, № 2. – С. 114–126.

Acosta V.S. Chinese foreign policy in Central Asia: who makes it and what matters? // *Crossroads Central Asia*. – 2024. – January. – 12 p. – URL: <https://crossroads-ca.org/chinese-foreign-policy-in-central-asia-who-makes-it-and-what-matters> (дата обращения: 15.04.2025).

Andrews-Speed P., Qiu M., Len C. Chinese engagement in Southeast Asian energy and mineral resources: motivations and outlook // *Eurasian Geography and Economics*. – 2016. – Vol. 57, N3. – P. 316–342. – DOI: 10.1080/15387216.2016.1211025.

Cai K. Constructing an Analytical Framework for Explaining Chinese Foreign Policy // *Chinese Political Science Review*. – 2020. – Vol. 5, N 3. – P. 289–307. – DOI: 10.1007/s41111-020-00150-5.

Chao W. The Political Economy of China's Rising Role in the Shanghai Cooperation Organization (SCO): Leading with Balance // *The Chinese Economy*. – 2021. – Vol. 55, N 4. – P. 293–302. – DOI: 10.1080/10971475.2021.1972548.

Chen M. Beyond Donation: China's Policy Banks and the Reshaping of Development Finance // *Studies in Comparative International Development*. – 2020. – Vol. 55, N 4. – P. 436–459. – DOI: 10.1007/s12116-020-09310-9.

Chen M. Infrastructure finance, late development, and China's reshaping of international credit governance // *European Journal of International Relations*. – 2021. – Vol. 27, N 3. – P. 830–857. – DOI: 10.1177/13540661211002906.

Chen X., Fazilov F. Re-centering Central Asia: China's "New Great Game" in the old Eurasian Heartland // *Palgrave Communications*. – 2018. – Vol. 4. –

Art. 60. – DOI: 10.1057/s41599-018-0125-5.

Clarke M. The Belt and Road Initiative: China's New Grand Strategy? // *Asia Policy*. – 2017. – Vol. 24, N 1. – P. 71–79. – DOI: 10.1353/ASP.2017.0023.

Dave B., Kobayashi Y. China's silk road economic belt initiative in Central Asia: economic and security implications // *Asia Europe Journal*. – 2018. – Vol. 16, N 3. – P. 267–281. – DOI: 10.1007/S10308-018-0513-X.

Duan M., Duan Y. Research on Oil and Gas Energy Cooperation between China and Central-North Asian Countries under the “One Belt and One Road” Strategy // *Energies*. – 2023. – Vol. 16, N 21. – Art. 7326. – DOI: 10.3390/en16217326.

Hofman I. Politics or profits along the “Silk Road”: what drives Chinese firms in Tajikistan and helps them thrive? // *Eurasian Geography and Economics*. – 2016. – Vol. 57, N 4. – P. 457–481. – DOI: 10.1080/15387216.2016.1238313.

Hoh A. China's Belt and Road Initiative in Central Asia and the Middle East // *Digest of Middle East Studies*. – 2019. – Vol. 28, N 2. – P. 236–256. – DOI: 10.1111/dome.12191.

Jie Y., Ridout L. Who decides China's foreign policy? The role of central government, provincial-level authorities and state-owned enterprises // *Briefing Paper. Asia-Pacific Programme November 2021*. – London : Chatham House, 2021. – 22 p. – URL: <https://www.chatham-house.org/2021/11/who-decides-chinas-foreign-policy> (дата обращения: 15.04.2025).

Jones L., Zou Y. Rethinking the Role of State-owned Enterprises in China's Rise // *New Political Economy*. – 2017. – Vol. 22, N 6. – P. 743–760. – DOI: 10.1080/13563467.2017.1321625.

Makarov I., Sokolova A. The Eurasian Economic Union and the Silk Road Eco-

nom ic Belt: Opportunities for Russia // *International Organisations Research Journal*. – 2016. – Vol. 11, N 2. – P. 40–57. – DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-40.

Nie W. China's State-owned Enterprises: Instruments of Its Foreign Strategy? // *Journal of Contemporary China*. – 2021. – Vol. 31, N 135. – P. 383–397. – DOI: 10.1080/10670564.2021.1966897.

Pantucci R. China in Central Asia: the first strand of the Silk Road Economic Belt // *Asian Affairs*. – 2019. – Vol. 50, N 2. – P. 202–215. – DOI: 10.1080/03068374.2019.1622930.

Reeves J. China's Silk Road Economic Belt Initiative: Network and Influence Formation in Central Asia // *Journal of Contemporary China*. – 2018. – Vol. 27, N 112. – P. 502–518. – DOI: 10.1080/10670564.2018.1433480.

Tsang S. Party-state Realism: A Framework for Understanding China's Approach to Foreign Policy // *Journal of Contemporary China*. – 2019. – Vol. 29, N 122. – P. 304–318. – DOI: 10.1080/10670564.2019.1637562.

Van der Kley D., Yau N. How Central Asians Pushed Chinese Firms to Localize. – [S. l.] : Carnegie Endowment for International Peace⁵⁴, 2021. – URL: https://carnegieendowment.org/files/VanderKley_Yau_China_Central_Asia_REVISED_v2.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

Xue L. China's Foreign Policy Decision-Making Mechanism and “One Belt One Road” Strategy // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. – 2016. – Vol. 5, N 1. – P. 23–35. – DOI: 10.1080/24761028.2016.11869095.

Zaretskaya V., Aloulou F. As of 2021, China Imports More Liquefied Natural Gas Than Any Other Country // *U.S. Energy Information Administration*. – 2022. – May 2. – URL: <https://www.eia.gov/today->

54 Признан нежелательной организацией на территории Российской Федерации.

inenergy/detail.php?id=52258 (дата обращения: 17.03.2025).

Дэн Хао = 邓浩. Дипломатия Китая в Центральной Азии: прогресс, опыт и будущие направления = 中国对中亚外交: 进展、经验与未来方向, 2022 // Исследования международных проблем (国际问题研究). – Кит. яз. – URL: <https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/dqqk/202208/P020220803344504197044.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

Чжан Фанхуэй, Ван Цяожун = 张方慧, 王巧荣. Анализ нового прогресса и направлений развития сотрудничества Китая и стран Центральной Азии в контексте «Одного пояса, одного пути» = “一带一路”背景下中国与中亚国家合作新进展与发展方向论析, 2023 // Социальные науки Нинся (宁夏社会科学). – Кит. яз. – URL: <http://www.hprc.org.cn/gsyj/wjs/gjil/202304/P020230425536534783431.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

The Chinese Global Project for Eurasia

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.06

China's Strategy in Central Asia Through the Prism of the Institutionally Governed Co-development Model

Ninel Yu. SENIUK

PhD (Economics), Associate Professor, Faculty of World Economy and International Affairs

National Research University Higher School of Economics

Malaya Ordynka Street, 17, Moscow, Russian Federation, 101000

E-mail: nсениук@hse.ru

ORCID: 0000-0002-7425-9029

Alexander I. SABANTSEV

Research Intern, Center for Strategic Studies, Institute for World Military Economy and Strategy

National Research University Higher School of Economics

Malaya Ordynka Street, 17, Moscow, Russian Federation, 101000

E-mail: asabantsev@hse.ru

ORCID: 0009-0009-9619-4113

Ekaterina A. KOZLOVA

Junior Researcher, Center for Central Asian Studies

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)

Nakhimovskiy Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117218

E-mail: kozlova@iccaras.ru

ORCID: 0009-0009-1312-5594

CITATION: Seniuk N.Yu., Sabantsev A.I., Kozlova E.A. (2025). China's Strategy in Central Asia Through the Prism of the Institutionally Governed Co-development Model. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 4, pp. 105–123 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.06

Received: 27.09.2025.

Revised: 10.11.2025.

ABSTRACT. *The article discusses an analytical model of “institutionally-governed co-development” to explain the mechanisms for shaping and implementing China's political-economic strategy in Central Asia. It is demonstrated that this model constitutes a hierarchical three-level system. At the strategic level, the top political leadership of the PRC, headed by Xi Jinping and the Politburo, formulates the doctrinal foundations (notably, the “Community of a Shared Future” and five-year plans). At the political-institutional level, these guidelines move into inter-state relations, primarily through the Sino-centric C+C5 format and a differentiated network of bilateral inter-governmental committees. At the executive level, a “national team” of actors (including relevant government bodies, state-owned corporations, policy banks, and sovereign funds) operates to ensure the direct implementation of projects. This model goes beyond the simple “politics leads the economy” formula and functions as “soft project governance”. In this system, high-level political decisions trigger a holistic ecosystem that uses organizational and financial resources to systematically and long-term reshape the region's geo-economic landscape in accordance with the strategic interests of the PRC.*

KEYWORDS: *China, Central Asia. Silk Road Economic Belt (BRI), foreign policy of the People's Republic of China (PRC); institutionally governed co-development, China–Central Asia Summits, Community of Common Destiny, Dual Circulation Strategy, 14th Five-Year Plan, Shanghai Cooperation Organisation (SCO).*

References

Acosta V.S. (2024). Chinese foreign policy in Central Asia: who makes it and what matters? *Crossroads Central Asia*. January, 12 pp. Available at: <https://crossroads-ca.org/chinese-foreign-policy-in-central-asia-who-makes-it-and-what-matters>, accessed 15.04.2025.

Andrews-Speed P., Qiu M., Len C. (2016). Chinese engagement in South-east Asian energy and mineral resources: motivations and outlook. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 57, no. 3, pp. 316–342. DOI: 10.1080/15387216.2016.1211025.

Cai K. (2020). Constructing an Analytical Framework for Explaining Chinese Foreign Policy. *Chinese Political Science Review*. Vol. 5, no. 3, pp. 289–307. DOI: 10.1007/s41111-020-00150-5.

Chao W. (2021). The Political Economy of China's Rising Role in the Shanghai Cooperation Organization (SCO): Leading with Balance. *The Chinese Economy*. Vol. 55, no. 4, pp. 293–302. DOI: 10.1080/10971475.2021.1972548.

Chen M. (2020). Beyond Donation: China's Policy Banks and the Reshaping of Development Finance. *Studies in Comparative International Development*. Vol. 55, no. 4, pp. 436–459. DOI: 10.1007/s12116-020-09310-9.

Chen M. (2021). Infrastructure finance, late development, and China's reshaping of international credit governance. *European Journal of International Relations*. Vol. 27, no. 3, pp. 830–857. DOI: 10.1177/13540661211002906.

Chen X., Fazilov F. (2018). Re-centering Central Asia: China's "New Great Game" in the old Eurasian Heartland. *Palgrave Communications*. Vol. 4, article 60. DOI: 10.1057/s41599-018-0125-5.

Clarke M. (2017). The Belt and Road Initiative: China's New Grand Strategy? *Asia Policy*. Vol. 24, no. 1, pp. 71–79. DOI: 10.1353/ASP.2017.0023.

Dave B., Kobayashi Y. (2018). China's silk road economic belt initiative in Central Asia: economic and security implications. *Asia Europe Journal*. Vol. 16, no. 3, pp. 267–281. DOI: 10.1007/S10308-018-0513-X.

Deng Hao (2022). China's Diplomacy in Central Asia: Progress, Experience and Future Directions // *Studies of International Problems*. No. 4, pp. 100–116 (in Chinese).

Duan M., Duan Y. (2023). Research on oil and gas energy cooperation between China and Central-North Asian countries under the "One Belt and One Road" strategy. *Energies*. Vol. 16, no. 21, article 7326. DOI: 10.3390/en16217326.

Hofman I. (2016). Politics or profits along the "Silk Road": What drives Chinese firms in Tajikistan and helps them thrive? *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 57, no. 4, pp. 457–481. DOI: 10.1080/15387216.2016.1238313.

Hoh A. (2019). China's Belt and Road Initiative in Central Asia and the Middle East. *Digest of Middle East Studies*. Vol. 28, no. 2, pp. 236–256. DOI: 10.1111/dome.12191.

Igityan M.Yu. (2019). Chinese Foreign Policy in Central Asia and Russia's Interests. *Vlast'*. No. 3, pp. 250–259 (in Russian).

Jie Y., Ridout L. (2021). Who Decides China's Foreign Policy? The Role of Central Government, Provincial-Level Authorities and State-Owned Enterprises. *Briefing Paper. Asia-Pacific Programme November 2021*. London: Chatham House, 22 pp. Available at: <https://www.chathamhouse.org/2021/11/who-decides-chinas-foreign-policy>, accessed 15.04.2025.

org/2021/11/who-decides-chinas-foreign-policy, accessed 15.04.2025.

Jones L., Zou Y. (2017). Rethinking the Role of State-Owned Enterprises in China's Rise. *New Political Economy*. Vol. 22, no. 6, pp. 743–760. DOI: 10.1080/13563467.2017.1321625.

Lexyutina Ya.V. (2025). Diplomacy of China in Central Asia: Multilevel Partnership Mechanisms and Multilateral Platforms. *Postsovetskie issledovaniya*. Vol. 8, no. 2, pp. 114–126 (in Russian).

Makarov I., Sokolova A. (2016). The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Opportunities for Russia. *International Organisations Research Journal*. Vol. 11, no. 2, pp. 40–57. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-40.

Nie W. (2021). China's State-Owned Enterprises: Instruments of its Foreign Strategy? *Journal of Contemporary China*. Vol. 31, no. 135, pp. 383–397. DOI: 10.1080/10670564.2021.1966897.

Pantucci R. (2019). China in Central Asia: the First Strand of the Silk Road Economic Belt. *Asian Affairs*. Vol. 50, no. 2, pp. 202–215. DOI: 10.1080/03068374.2019.1622930.

Reeves J. (2018). China's Silk Road Economic Belt Initiative: Network and Influence Formation in Central Asia. *Journal of Contemporary China*. Vol. 27, no. 112, pp. 502–518. DOI: 10.1080/10670564.2018.1433480.

Song G. (2019). China's Economic Strategy in Asia. *Asian Education and Development Studies*. Vol. 9, no. 2, pp. 219–231. DOI: 10.1108/AEDS-08-2017-0083.

Tsang S. (2019). Party-State Realism: A Framework for Understanding China's Approach to Foreign Policy. *Journal of Contemporary China*. Vol. 29, no. 122, pp. 304–318. DOI: 10.1080/10670564.2019.1637562.

Vakhrushin I.V., Nikolaev N.A. (2024). Risks of Institutionalization of the Central Asia-China Format for Solidarity and Political Trust in the Shanghai Cooperation Organization. *Outlines of*

Global Transformations: Politics, Economics, Law. Vol. 17, no. 2, pp. 135–152 (in Russian). DOI: 10.31249/kgf/2024.02.07.

Van der Kley D., Yau N. (2021). How Central Asians Pushed Chinese Firms to Localize. *Carnegie Endowment for International Peace*⁵⁵. Available at: https://carnegieendowment.org/files/VanderKley_Yau_China_Central_Asia_REVISED_v2.pdf, accessed 15.04.2025.

Xue L. (2016). China's Foreign Policy Decision-making Mechanism and "One Belt One Road" Strategy. *Journal of Contemporary East Asia Studies*. Vol. 5, no. 1, pp. 23–35. DOI: 10.1080/24761028.2016.11869095.

Zabella A.A., Melkina A.N., Imetionova N.N. (2025). China's summit di-

plomacy in Central Asia. *Postsovetskie issledovaniya*. Vol. 8, no. 1, pp. 151–160 (in Russian).

Zaretskaya V., Aloulou F. (2022). As of 2021, China Imports More Liquefied Natural Gas Than Any Other Country. *U.S. Energy Information Administration*. May 2. Available at: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=52258>, accessed 17.03.2025.

Zhang Fanghui, Wang Qiaorong (2023). Analysis of new progress and directions for the development of cooperation between China and Central Asian countries in the context of the "One Belt, One Road". *Social Sciences of Ningxia*. No. 4, pp. 65–72 (in Chinese).

55 Признан нежелательной организацией на территории Российской Федерации.